

Адонис

ЗЕРКАЛО
ДЛЯ ТЕЛА
ОСЕНИ

INSPIRIA

Москва

2024

УДК 821.411.21-1
ББК 84(5Сир)-5
А31

Адонис.

А31 Зеркало для тела осени / Адонис ; [перевод с арабского К. М. Корчагина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 192 с.

ISBN 978-5-04-185165-1

Кажется, что биография поэта Али Ахмада Саида Эсбера сродни мифологическим сказаниям. Даже псевдоним «Адонис», выбранный во времена романтической молодости и проложивший дорогу к всемирной славе, говорит об этом.

Переживший заключение, непонимание со стороны властей и издателей Адонис оказался в первых рядах новой арабской поэзии. Авантюрному выдумщику и скрупулезному исследователю жизни Востока год из года пророчат Нобелевскую премию.

Всю жизнь Адонис менял мир вокруг себя. На фоне раскальвающейся истории ему удалось создать новый облик арабского стиха.

Теперь сирийскому правдоискателю удалось заговорить и по-русски.

УДК 821.411.21-1
ББК 84(5Сир)-5

ISBN 978-5-04-185165-1

© Корчагин К.М., перевод, предисловие, примечания, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Содержание

От переводчика 10

ПЕРВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Любовь 21

Тайны 22

Солнце 23

Смерть (*элегии для моего отца*) 24

Сон 25

Камень света 26

ПЕСНИ МИХЬЯРА ДАМАССКОГО

Псалом 29

Ни звезд 31

Царь Михьяр 32

Голос 33

Другой голос 34

Его глаза родились 35

Покрывало песен 36

Медина 37

Колокол 38

В ее ладонях 39

В его глазах 40

Иные 41

Святой варвар 42

Псалом 43

Присутствие	45
Новый завет	46
Предел неба	47
Видение	48
Как нужно упасть	49
Диалог	50
Псалом	51

ПРЕВРАЩЕНИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

В КРАЯ ДНЯ И НОЧИ

Цветок алхимии	57
Дерево дня и ночи	58
Дерево Востока	59
Флаг	60
Дерево огня	61
Извилистое дерево	62
Дерево старья	63
Дерево («Растение голодных...»)	64
Дерево («Ежедневно за оградами умирает ребенок...»)	65
Дерево («Рядом с Джируном есть дверь из роз...»)	66
Дерево («Он призывал и приносили ветры...»)	67

ТЕАТР И ЗЕРКАЛА

Зеркало мгновения, которое	71
Зеркало времени	72
Голодный.	73
Поэты	74
Дамаск	75
Бейрут.	76
Зеркало раздора	78
Зеркало мученика	79
Зеркало сна.	80
Зеркало истории.	81
Зеркало земли	84
Поверхность гальки.	85

Если ты станешь	87
Луна аль-Гуты	88
Зеркало для тела осени	91
Зеркало для больного отца	92
Зеркало глаза и времени	93
Зеркало кружения	94
Шелуха и дни	95
Смерть	96
Сон	97
Волны	98
Город	99
Пророчество	100

**ЕДИНСТВЕННОЕ
В ФОРМЕ МНОЖЕСТВЕННОГО**

Чертеж	103
Отступления	110
Тело (<i>отрывки</i>)	121

СООТВЕТСТВИЯ И ИСТОКИ

Исследование	131
Поэты	132
Опыт	133
Дети	134
Заблудившийся	135
Исток мнения	136
Исток поэзии	137
Исток книги	138
Исток любви	139
Исток пути	140
Исток пола	141
Исток имени	142
Исток пола (II)	143
Исток ветра	144
Исток смерти	145

Исток произношения.146
Исток рассказа.147
Исток речи148

ПОСТОЯННОЕ И ПЕРЕМЕННОЕ

От старины к новизне151
--------------------------------	------

КНИГА ОСАДЫ

Свет свечи169
----------------------	------

<i>Комментарии.</i>183
-------------------------------	------

От переводчика

Адонис — один из самых известных современных поэтов. Он один из тех, с кого началась новая арабская поэзия, где довольно долго сохранялись (а во многом сохраняются до сих пор) крайне консервативные взгляды на поэтическое творчество: идеальное традиционное стихотворение — это то, которое повторяет и цитирует великих предшественников. Поэзия Адониса не отказывается от старой арабской традиции, но предлагает считать ее лишь одним из источников вдохновения — наряду с другими, такими как философия, суфийская мистика и западно-европейский авангард. При этом ему выпала редкая возможность отстаивать такой взгляд на поэзию на протяжении уже более семидесяти лет — с первых публикаций в конце 1940-х годов до самых недавних. Беспрецедентный творческий путь, причем в каждой точке крайне насыщенный. Сейчас из всех родоначальников новой литературы он один продолжает писать, оставаясь своего рода живым памятником арабского модернизма — всех его надежд и чаяний, часть из которых воплотилась в жизнь, а часть еще только ждет своего времени.

Али Ахмад Саид Эсбер (таково настоящее имя поэта) родился в 1930 году в небольшой деревне Аль-Кассабин рядом с приморским городом Латакия на

западе Сирии. Пейзажи окрестных мест будут часто появляться в поэзии Адониса — как Лысая гора, расположенная на границе современной Сирии и Турции, — место жительство древнего бога Баала по угаритским преданиям. В родной деревне поэта жили главным образом алавиты, представители одного из течений неортодоксального ислама, не возражающие против употребления вина, верящие в переселение душ и отделяющие себя и от суннитов, и от шиитов (к алавитам относится и правящее Сирией уже полвека семейство Асадов). Адонис никогда не был особенно религиозен, но принадлежность к небольшому сообществу, противостоящему всему миру, научила его не идти теми путями, которыми идут все остальные. Так и европейским авангардом он восторгался во многом потому, что тот был совсем не похож на привычную арабскую культуру, с которой юный Али Эсбер, окончивший религиозную школу в родной деревне, был достаточно хорошо знаком.

Поэтическая карьера Али началась блестяще: пятнадцатилетним юношей он прочел одно из своих стихотворений перед президентом только что основанной Сирийской республики. И президент, как в арабской сказке, спросил юного Али, что же он хочет за это, а тот ответил: «Я хочу только учиться». Так он стал студентом Французского лицея в Тартусе, который, правда, скоро закрылся: после двадцати лет под французским мандатом, то есть фактически внешним колониальным управлением, новое сирийское правительство не питало теплых чувств к французским организациям. Тем не менее Али продолжил образование в других школах и затем поступил в Дамасский университет на факультет философии и права.

Все это время он активно писал стихи, но до поры стихи юного поэта не принимали в журналах: по-

сле отмены французского мандата новая сирийская культура была на подъеме, и, как часто бывает в такие времена, редакции были завалены рукописями множества восторженных авторов, в том числе куда более маститых, чем юный провинциал Али Эсбер. Тогда юный поэт придумал хитрый трюк: он начал подписывать стихи именем Адонис, и это сразу привлекло внимание. Может быть, дело было в том, что в сирийской литературе тех лет редко использовались псевдонимы, а может, в том, что поэт таким образом подобра́л рифму к эпохе, ведь Адонис почитался у древних финикийцев как умирающий и воскресающий бог весны, а интерес к доисламской семитской древности в это время становится повсеместным в регионе.

Когда Али исполнилось двадцать лет, вышел и его первый сборник стихов, еще вполне классических и подражательных, с трудом отличимых от всей остальной поэтической продукции того времени. После окончания университета его призвали на военную службу, и на этом краткий роман поэта с сирийским государством заканчивается вместе со спокойной жизнью. Очень скоро молодого поэта арестовывают как члена Сирийской национал-социалистической партии: партия протестовала против европейской колонизации восточного Средиземноморья, расчленения стран региона на множество карликовых государств и стремилась объединить их все под знаменами Великой Сирии. Этот проект, во многом вдохновленный тем преобразованием Египта, которое чуть раньше пытался воплотить в жизнь президент Гамаль Абдель Нассер, явно был не ко времени и, главное, открыто противоречил интересам местных элит. Однако даже в тюрьме Адонис провел время с пользой, познакомившись там с одним из будущих ближайших сподвижников по поэтическому творчеству Мухаммадом

Аль-Магуттом, который записывал свои первые стихи на бумажках для сигарет-самокруток и декламировал их соседям по камере.

Заклучение было недолгим, но после него Адонис был вынужден покинуть Сирию. Он находит прибежище там же, где и почти все поэтические и политические диссиденты того времени — в Бейруте, приморском городе, расположенном всего лишь в ста километрах от Дамаска, но живущим совсем другой, куда более космополитичной и открытой, жизнью. Именно с Бейрутом и, шире, с Ливаном связан наиболее продуктивный период в творчестве Адониса: здесь он встречает своих главных единомышленников — старшего поэта Юсуфа Аль-Халя и младшего Унси Аль-Хаджа, с которыми в 1957 году они учреждают журнал под лаконичным названием «Поэзия». Следующие десять лет жизни Адониса проходят под знаменем этого журнала, который становится местом встречи поэзии Запада и Востока, ближневосточной и европейской культуры.

Несмотря на то что новая поэзия часто подвергается нападкам и со стороны поэтических традиционалистов, и со стороны тех, кто обвиняет ее в безразличии к политическим проблемам арабских стран, в эти годы Адониса можно считать признанным лидером поколения. Он бывает в Париже и других европейских и ближневосточных странах, преподает арабскую литературу в Ливанском университете и в общем-то ведет вполне благополучную жизнь, выпуская сборник за сборником и активно публикуя в прессе заметки как о европейской, так и об арабской культуре, стремясь подчеркнуть их глубинное родство.

В эти годы окончательно формируется поэтика Адониса, состоящая из нескольких компонентов: европейского модернизма и авангарда (с преимуще-

ственным влиянием Уолта Уитмена, Томаса Элиота и французских сюрреалистов), национального арабского романтизма и суфизма, включая сюда и тот его космополитичный вариант, который выходец из Ливана и житель богемного Нью-Йорка Халил Джебран изобразил в поэме «Пророк». Благодаря кругу журнала «Поэзия» сюрреализм в 1960-е годы стал едва ли центральным направлением в арабской поэзии, в то время как суфизм был традиционным для ближневосточной культуры способом избегать крайностей исламской ортодоксии. Позднее Адонис обобщит свои мысли о суфизме и сюрреализме в одноименной книге, где попытается найти точки соприкосновения между старой арабской культурой и новой европейской, чтобы, среди прочего, оправдать и собственный поэтический метод, совмещающий классические темы с новаторским письмом, лишенным привычных рифм и размеров.

В этой книге Адонис среди прочего пишет, что и суфизм, и сюрреализм стремились устранить границу между искусством и жизнью, сном и реальностью, избрав любовь в качестве проводника на этом пути, и что для обоих язык был прежде всего магическим инструментом, способным непосредственно изменять мир, сохраняя в то же время способность этот мир критиковать. В последнем утверждении узнается поэзия самого Адониса, соединяющая политическую романтику с загадочной сюрреалистической образностью. Книгу Адониса, таким образом, нужно воспринимать не как сопоставительное литературоведческое исследование, а как обоснование собственного метода, а заодно и того пути, которым арабская поэзия пошла во второй половине XX века.

Однако периоду плодотворных раздумий и размеренной жизни в мирном Бейруте было суждено

скоро закончиться: в 1975 году в Ливане начинается кровопролитная гражданская война, которая затянется на пятнадцать лет и последствия которой ощущаются в стране до сих пор. Большую часть этого срока Адонис проведет в Бейруте, не считая относительно кратковременных поездок в Дамаск, Париж и Америку; он продолжает преподавать в Ливанском университете, хотя культурная жизнь Бейрута в эти годы схлопывается и затухает (это видно хотя бы по тому, что в семидесятые-восемидесятые годы новые книги у обычно плодовитого Адониса почти не выходят).

Поэт окончательно покинет регион только в 1985 году, пережив одну из самых драматичных фаз войны — так называемую осаду Бейрута летом 1982 года, когда израильская армия вошла в Ливан и заблокировала город, чтобы вынудить сдать организацию освобождения Палестины. Хотя осаждена была только западная часть города, где находились в основном мусульманские кварталы, город подвергся масштабным разрушениям — авиаударам, минометным обстрелам и т.п. О том, как бейрутские поэты переживали осаду, можно прочитать в небольшом эссе «Свет свечи», включенном в эту книгу. Не только Адонис находился тогда в Бейруте: среди осажденного населения был и крупнейший палестинский поэт Махмуд Дарвиш, вспоминая об этом опыте в повести «Память для забвения», написанной спустя несколько лет после осады.

Для Адониса осада стала, по всей видимости, последней каплей: в 1985 году он решил окончательно переехать в Париж и занять наконец популярную в арабском мире роль «поэта в изгнании». Через такой опыт прошли почти все крупнейшие арабские поэты XX века и некоторые из средневековых (на-

пример, один из кумиров Адониса Аль-Мутанабби), поэтому в каком-то смысле эта роль выглядела для Адониса естественной, хотя он и долго отказывался от нее, предпочитая находиться в «малом изгнании» в Бейруте, не так далеко от родных мест.

Драматично меняется не только жизнь Адониса, но и его письмо: уже в конце шестидесятых, особенно после шестидневной войны 1967 года, когда Израиль молниеносно сокрушил объединенные силы арабских государств, поэт обращается к жанру длинной поэмы: его стихи предыдущих лет хотя и были наполнены переключками друг с другом, все-таки оставались отдельными произведениями. В новых поэмах много повторов, пересказов того, что уже было сказано раньше и подчас короче. Но такие повторы обычно не ослабляют общее впечатление, а, наоборот, усиливают его, позволяя почувствовать широкое дыхание подлинной поэзии, ее способность вобрать в себя весь мир без остатка. Однако само желание вобрать всю окружающую жизнь в текст, кажется, было отчаянной попыткой склеить осколки расколовшейся реальности.

Вершиной этого движения стала написанная уже в эмиграции «Книга» — огромная поэма, которая складывалась во второй половине девяностых — начале двухтысячных, в годы, когда Адонис вел уже вполне благополучную жизнь, хотя и омрачаемую нападками разного рода радикалов, которым не нравились то его поэзия, то политическая позиция. «Книга» — это пространное поэтическое размышление на тему, которая всегда интересовала Адониса больше всего: на тему арабской истории, начиная со времени пророка Мухаммада и заканчивая современными войнами и конфликтами. В каком-то смысле поэму можно воспринимать как поэтическое завещание,